

Несколько человек сразу же согласились на операцию. Цюй Нин усадил Хэ Шаоцзюня и Су Цзинь на больничные стулья, чтобы они ждали указаний врача рядом с Хэ Баого, а сам побежал за медсестрой оплачивать счёт и подписывать согласие на операцию.

Операция длилась более трёх часов. Врач вышел и сообщил, что всё прошло успешно, и как только пациент очнётся, опасность минует. Только тогда все трое выдохнули с облегчением.

— Тётя Су.

Когда Хэ Баого отвезли обратно в палату, Хэ Шаоцзюнь наконец заговорил. С момента прибытия в больницу он не проронил ни слова, но теперь его голос звучал хрипло.

— Иди домой, отдохни немного.

Су Цзинь, сжимая руку Хэ Баого, покачала головой:

— Нет, я подожду здесь, пока он проснётся.

Хэ Шаоцзюнь сказал:

— С папой уже всё в порядке, я посижу с ним.

Цюй Нин тоже вмешался:

— Мама, иди отдохни немного. Утром приготовишь дяде Хэ что-нибудь поесть.

Только тогда Су Цзинь подняла голову. Взгляд у неё был отсутствующий, губы беззвучно шевелились:

— Да, надо приготовить поесть. Он наверняка проголодался.

Цюй Нин помог матери встать и кивнул Хэ Шаоцзюню:

— Я отведу маму домой.

— Хорошо, — отозвался Хэ Шаоцзюнь и сел к кровати отца. — Тебе тоже поспи немного.

Цюй Нин ничего не ответил и, поддерживая мать, вышел из больницы. Вернувшись в дом Хэ Баого, Су Цзинь тут же побежала на кухню искать рис, чтобы сварить кашу, бормоча, что каша хорошо усваивается. Цюй Нин силой затащил мать в спальню и уложил в постель, мягко уговаривая:

— Дядя Хэ ещё не проснулся. Если ты сварешь кашу сейчас, она остынет, пока он очнётся. Ты тоже поспи немного, ладно? Когда проснёшься, тогда и сварить.

— Я не могу уснуть, я за него переживаю, — Су Цзинь схватила сына за руку, и слёзы покатались по её щекам.

Цюй Нин встал, подогрел стакан молока и добавил туда две таблетки мелатонина. Су Цзинь иногда принимала их при бессоннице.

— На, выпей тёплого молока.

Цюй Нин смотрел, как мать пьёт, затем сел у кровати и взял её за руку, тихо держа её, пока её

дыхание не стало ровным.

Цюй Нин тихонько вышел из дома Хэ Баого, поймал такси и снова вернулся в больницу. Хэ Шаоцзюнь всё ещё сидел на том же месте, крепко сжимая телефон в руке. Цюй Нин принёс стул и сел рядом с Хэ Шаоцзюнем.

— Первый звонок мамы был мне, — заговорил Хэ Шаоцзюнь. Голос его всё ещё был хриплым, в нём слышались подавленность и боль. — Но я не взял трубку. Я ведь конченная сволочь, да?

— Ты сейчас меня ругаешь? — Цюй Нин повернулся к нему. — Это я тебя сегодня вечером соблазнил.

— Нет, нет... — Хэ Шаоцзюнь поспешно начал оправдываться. — Если бы не ты, если бы ты не взял трубку, я бы...

— Тсс... — Цюй Нин прервал его, обнял за плечи и притянул к себе, уложив голову Хэ Шаоцзюня себе на плечо. Как он только что успокаивал Су Цзинь, он теперь мягко успокаивал Хэ Шаоцзюня. — Всё хорошо, всё прошло. Дядя Хэ поправится.

Тело Хэ Шаоцзюня, прижавшееся к Цюй Нину, было напряжённым и окаменевшим, он ещё не оправился от только что пережитого ужаса. Цюй Нин мягко похлопал его по плечу:

— Передо мной тебе больше не нужно притворяться тем самым Саньва, которого не берут пули и мечи.

Услышав эти слова, Хэ Шаоцзюнь словно обрёл опору, расслабился и всем телом подался к Цюй Нину. Его сердце тоже нашло себе пристанище и перестало испытывать беспомощность и растерянность.

На самом деле, после ухода Цюй Нина Хэ Шаоцзюню было очень страшно. Много лет назад мама умерла прямо у него на глазах. Тогда у Хэ Баого было судебное заседание, оторваться он не мог, и рядом с Ци Ци остался только Хэ Шаоцзюнь. То отчаяние и страх врезались в его память. Сегодня, увидев отца лежащим здесь, Хэ Шаоцзюнь словно вновь пережил ту боль. Но на этот раз появился Цюй Нин, в самый одинокий и беззащитный момент дав ему опору и тепло.

Сердце Хэ Шаоцзюня снова покорилося Цюй Нину...

В последнее время Вэнь Цзыхуа был на грани нервного срыва. До начала учебных оставалось всего несколько дней, а он так и не снял жильё. Он мог бы поселиться в общежитии, но там запрещали держать много вещей, а вещей после мамы осталось несколько больших коробок, выкидывать их он не мог, да и не имел права. При его финансовых возможностях он мог снять только подвал, но там было сыро и темно, что плохо сказывалось бы на сохранности вещей. За последние дни у Вэнь Цзыхуа на лице выскочило несколько крупных прыщей, но если проблему с жильём не решить, то не только прыщи, ему придётся ночевать на улице.

Вэнь Цзыхуа тут, жуя обед из контейнера, листал на телефоне объявления о съёме жилья, как вошёл Дун Жуй. Дун Жуй даже не посмотрел на Вэнь Цзыхуа, а обратился к Котёнку:

— Кот, мне сейчас нужны деньги, хочу сдать пустующую библиотеку. Выложи объявление у себя в кругу.

Котёнок моргнул, совершенно не уловив намерения начальника, и очень наивно сказал:

— Дун Жуй, ты сам выложи в свой круг, а я просто репостну.

Дун Жуй мысленно обругал Котёнка за тугодумие, но, раз уж слово сказал, цель была достигнута. Дун Жуй сделал вид, что только сейчас до него дошло, согласился и развернулся, чтобы вернуться в свой кабинет. Изначально он договорился с Цюй Нином, что Вэнь Цзыхуа переедет к нему, но последние дни отчим Цюй Нина лежал в больнице, и тот был не до Вэнь Цзыхуа. Дун Жуй видел, как тот мечется по углам и лицо у него всё в прыщах, и не мог больше сидеть сложа руки. В любом случае, он предложил вариант, а жить там или нет — дело самого Вэнь Цзыхуа. Вскоре раздался стук в дверь. Дун Жуй поднял голову и, как и ожидал, увидел Вэнь Цзыхуа.

Вэнь Цзыхуа тихо спросил:

— Дун Жуй, сколько ты хочешь за эту комнату?

Дун Жуй сделал вид, что ему всё равно, и сказал:

— У меня девушка за деньгами следит строго, зарплату всю отобрала, даже на сигареты не даёт. Я вот хочу пачку сигарет купить, так что сотки в месяц с меня хватит.

Сто юаней в месяц — это практически даром. Вэнь Цзыхуа широко раскрыл глаза, не веря, что бывает такая дешевизна, и поспешил сказать:

— Дун Жуй, можно мне её снять?

Дун Жуй посмотрел на Вэнь Цзыхуа, сделал вид, что подумал, потом кивнул:

— Ладно, можешь заезжать в любое время.

Вся мужская компания дружно взялась за дело, и всего за один вечер помогли Вэнь Цзыхуа переехать. Вэнь Цзыхуа оглядел свою комнату площадью более десяти квадратов, сердце переполняла благодарность. За сто юаней даже подвал не найдёшь, а он получил светлую, хорошо проветриваемую, чистую и сухую комнату. Разве он не понимал, что это Дун Жуй его опекает.

После переезда компания стала требовать, чтобы Вэнь Цзыхуа угостил их в честь новоселья, и он с радостью согласился. Не только за помощь с переездом, но и за то, что за этот месяц в компании все относились к нему очень хорошо, учили чертить и работать, любили как родного брата.

Вэнь Цзыхуа хотел пригласить всех в ресторан поесть нормально, но все не согласились, сказали, что не привыкли и стесняются, они просто хотят шашлыков жрать и пиво пить. В итоге они шумно провели вечер в ларьке шашлычном неподалёку от дома Дун Жуя.

Когда пришло время платить, Котёнок вытащил конверт, сказал, что это поздравление от всех с новосельем Вэнь Цзыхуа, пусть это будет оплатой за ужин. Вэнь Цзыхуа никак не мог согласиться: Не без усилий нашёл шанс поблагодарить всех, как можно позволить им платить? Спорили долго, пока не обнаружили, что Дун Жуй ещё в середине еды всё оплатил. Дун Жуй сунул конверт Вэнь Цзыхуа:

— Бери, это душевный вклад всех. Не брать — невежливо.

Вэнь Цзыхуа, сжимая толстый конверт, был очень тронут.

Дун Жуй и Вэнь Цзыхуа вместе вернулись домой. Дун Жуй передал ему ключи от входной двери и от его комнаты, а также выдал карточку:

— Цюй Нин оформил тебе студенческий грант, далее каждый год на эту карту будут перечислять плату за обучение и прочие расходы, пока ты не закончишь университет. На карте ещё есть 10 000, это от моего друга, который любит заниматься благотворительностью, узнав твою ситуацию, он выделил тебе деньги на жизнь.

На самом деле, Цюй Нин в последнее время был так занят, где ему было заниматься такими вещами, всем этим занимался Дун Жуй. И никакого любителя благотворительности не было, те 10 000 были от самого Дун Жюя. Но Дун Жуй не мог сказать об этом прямо, иначе выглядело бы так, будто он ждёт от него какой-то отдачи.

Завтра уже начало учебы, Вэнь Цзыхуа сходил на улицу, купил канцелярию, возвращаясь домой и открывая дверь, услышал женский голос, он замер на пороге.

Дун Жуй обернулся, увидел Вэнь Цзыхуа и помахал рукой:

— Заходи быстро, познакомлю тебя, это моя девушка Мия.

Потом обратился к Мие:

— Это мой двоюродный брат Вэнь Цзыхуа.

Мия посмотрела на Вэнь Цзыхуа, улыбнулась и поздоровалась с ним, потом спросила Дун Жюя:

— Когда у тебя появился двоюродный брат? Ты мне даже не говорил.

Дун Жуй ответил:

— Родственник из родной деревни моей мамы, в выпускном классе, поживёт у нас какое-то время.

После чего он незаметно подмигнул Вэнь Цзыхуа, намекая не проговориться.

Примечание автора: отсылка к мультфильму «Братья-калабасы», персонаж Саньва, обладающий медной кожей и железными костями, неуязвимый для оружия.

<http://bllate.org/book/16802/1545268>